

елокуція, публіцистичний образ, металогічна мова; досліджено роль образу у публіцистичному творі; проаналізовано особливості функціонування металогічних образів у медіа текстах та узагальнено суть дослідження.

Ключові слова: елокуція, металогічна мова, образно-елокутивні засоби, публіцистичний образ.

Аннотация

В предлагаемой статье проанализированы образно-элокутивные средства в СМИ и очерчена специфика использования изобразительно-выразительных элементов. Изучены теоретические понятия элокуция, публицистический образ, металолическая речь; исследована роль образа автора в публицистическом произведении; проанализированы особенности функционирования металолических образов в медиа текстах и обобщенно суть исследования.

Ключевые слова: элокуция, металолический язык, образно-элокутивные средства, публицистический образ.

Summary

In the present article the figurative-elocutive means in the media were analyzed and the specifics of using figurative-expressive elements were outlined. Such theoretical concepts as the journalistic way, the metalogical speech, the elocution were studied; the role of the image of the author's publicistic work was investigated; the features of the functioning of metalogical images in media texts and studies were summarized.

Keywords: elocution, metalogical language, figurative-elocutive means, journalistic image.

Вечканова Э. Ю.,

кандидат филологических наук,

Таврический национальный университет имени В. Вернадского

(Симферополь)

МИХАИЛ БАХТИН О “ЧИСТО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ” ПРИРОДЕ СЛОВА

В предисловии к известной работе “Эстетика словесного творчества” М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция (2011) признанный специалист в области теоретической поэтики Натан Тамарченко, моделируя “возможный диалог Читателя с Автором” [15, 7], акцентировал, как будто, известный факт: “О Бахтине так много написано...” [15, 7], вопрошая тем самым о целесообразности появления новых работ и вместе с тем провоцируя ответ, продуцирующий развитие бахтинологии. А философский смысл “как будто”, как просматривающейся формулы, обозначающей кажущиеся необходимым представления-фикции, допущения, способствующие преодолению сложностей мыслительных процессов, обволакивает их, способствуя тем самым определению истинной цели – “проследить, как связана с ней (с теорией словесного творчества – Э. В.) разными своими гранями бахтинская концепция слова и речевого произведения...” [15, 7]. Целесообразность актуализации этой проблемы на фоне происходящих в бахтинологии смещений особенно востребована, поскольку “преобладает стремление не изучать Бахтина, а использовать его для решения задач” [15, 8]. Очевидно, уже только поэтому собственно лингвистический аспект этой проблемы требует повышенного внимания, что и отметили Натан Тамарченко и известный философ и филолог Наталья Автономова, говоря о давно назревшей необходимости адекватного осмысления концепций

Бахтина, их “правильного понимания”. Подчеркнула Н. Автономова и то, что, “в России Бахтин вообще не воспринимается как лингвист или языковед: даже как о человеке, высказавшем ценные лингвистические идеи, о нем говорят редко” [1, 155]. Отмечено также и то, что “самим словом “лингвистика” Бахтин чаще пользовался в полемических, нежели позитивных контекстах”, что не снимало влияние проблем лингвистики на концепции диалога, карнавала, романа” [1, 155]. При всей новизне и объеме поднятых Бахтиным лингвистических проблем внимание исследователей, тем не менее, сосредоточено, преимущественно, на осмыслении работы “Марксизм и философия языка”, привлекающей прежде всего соавторством М. Бахтина с М. Волошиновым, изначально вынужденным, как “пронизанная давлением времени ситуация общения-собеседования” [5, 349], впоследствии им сохраненная и обозначенная ныне как проблема истории культуры определением “Бахтин под маской”, то есть проблема “спорных текстов”. Но, как известно, даже в условиях 60-х годов с их возможностью открыть тайны создания и публикаций некоторых научных работ, которые либо именами авторов, либо содержанием не вписывались в насаждаемую идеологию, М. Бахтин принял решение ничего не менять и с благодарностью к тем, кто не испугался и поддержал, и с намерением сохранить представление о времени, когда научная мысль формировалась и невероятными усилиями утверждалась. Избирательный подход к осмыслению “лингвистического пути” М. Бахтина во многом обусловлен среди прочего и особенностями издания Собрания сочинений выдающегося философа-литературоведа XX века, кропотливой работой с архивными материалами, подготовкой их к публикации (зачастую – впервые), тщательными и емкими комментариями и т.д. Но, как справедливо отметила Н. Автономова, архивными материалами к творчеству Бахтина “мало кто пользуется”, к тому же “беда в том, что специалисты по Бахтину, как правило, не пишут для широкой публики: они пишут для ближайших коллег, для сообщества...”, а главное – “между уровнями постижения Бахтина образовался разрыв. Выход видится в наличии продуктивной подпитки, опосредующей уровни, как раз и может стать для нас лингвистическая проблематика: она соотносится и с историей собственных идей Бахтина, и с вопросом о возможности их применения” [1, 156].

К таким принадлежит созданная (предположительно) в 1927 году работа “Эстетика словесного творчества. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве”, опубликованная в полном объеме впервые в Собрании сочинений М. Бахтина в 2003 году, в первом томе, в котором представлены ранние философские работы ученого, собранные с большим трудом. В обширных комментариях Н. И. Николаева, скорее, соотносимых с глубоким научным исследованием, обозначена “литературно-теоретическая” ситуация времени, в которой формировался замысел работы М. Бахтина, проявившийся в качестве “резких официальных и идеологических нападков на формализм”, когда статья “Ученый сальеризм”, опубликованная под именем П. Н. Медведева, была “одной из последних работ 1920-х гг., где русский формализм рассматривался исключительно с точки зрения философской эстетики” [11, 713], а ВМЭ (“К вопросам методологии

эстетики словесного творчества”)¹ – первым изложением своих взглядов, “насколько это было возможно в тогдашних социальных и идеологических условиях – преимущественно в области философской эстетики и применительно к словесному творчеству” [11, 719]. Но от разбора понятийных комплексов формализма М. Бахтин не только не отошел, но рассматривал их как “вариант эстетического принципа изоляции (отрешения)” [11, 734], пристально всматриваясь в теорию образа А. Потебни.

Но именно на противоречиях 20-х сформировалась лингвистическая поэтика – “область филологии, в которой применяются синтетические методы изучения *художественного текста* и используются все преимущества междисциплинарного подхода к изучению явлений языка *литературных произведений*” [16, 108]. Термин в его современном понимании и применении как языковедами, так и литературоведами, формировался, преимущественно, на основе открытий 1920-х годов: Московский лингвистический кружок и ОПОЯЗ ввели в научный обиход понятие “поэтическое языкознание”, Роман Якобсон – “поэтическую диалектику”, Виктор Жирмунский – “поэтическую лингвистику”, научные судьбы которых складывались по-разному, в зависимости не только от филологических обстоятельств времени, но и, к сожалению, резкого вмешательства идеологии, направленной на углубление разобщенности позиций. Пожалуй, незыблемой оставалась общность их основы – учение Александра Потебни о “внутренней форме слова”, к которому склонялся и Михаил Бахтин. На специфику творческой энергии языка Александра Потебни указал и Андрей Белый в известной работе “Мысль и язык (Философия языка А.А. Потебни)” (1910 г.): “...В глубине индивидуальности речь уже не есть орудие мысли, а нечто нераздельное с художественным творчеством; порабощение слова мыслью в этом смысле периферично, не касается центрального значения смысла слова, как такового; музыка слов, художественное сочетание звуков, непонятное для ума, есть вечный импульс к образованию новых словесных значений; но эти значения суть символы; в них, как и в музыке, рассказ о несказанном” [6, 245–246].

Считаем целесообразным сослаться и на современное истолкование потебнянского понятия внутренней формы слова как “ключа, отпирающего решительно все двери” (имея в виду “поэтические возможности языка”) [15, 179]. Так, Н. Тamarченко отметил: “Внутренняя форма, понятая как этимон, – это закрепленное в структуре слова **сочетание звукового комплекса** (внешней формы) и **представления**, т.е. некоторого *образа* обозначаемого словом предмета. При употреблении слова в новой ситуации и для нового обозначения предмета речи первоначальное представление указывает *направление*, путь к значению. Слова, которые в употреблении (применении) сохраняют такого рода преемственность в обозначении и смыслообразовании, считаются *образными*” [15, 179].

Но не менее значимым откликом на споры и дискуссии 20-х гг. были теоретизирования М. Бахтина о структуре слова и задачах лингвистики, вызванных попытками формалистов “растворить поэтику в лингвистике” [11, 734]. В комментариях к публикации отмечен едва ли не впервые факт, остававшийся длительное

¹ ВМЭ – принятое в Собрании сочинений М. Бахтина название статьи “К вопросам методологии эстетики словесного творчества”, которое мы сохраняем в статье, как и другие сокращения.

время в маргиналиях – полемика с “Эстетическими фрагментами” (1923) Г. Г. Шпета, “пик”, который “не выраженный явно” находится в теоретизировании о том, что создаваемый эстетический объект преодолевает феноменологические слои слова через интонацию. При этом уточняется, что «полемика со Шпетом вбирает полемику с формалистами: в разных жанрах происходит актуализация разных слоев слова... [11, 735] и что, в конечном итоге, вылилось в определение “места лингвистики как науки и предмета ее изучения” [11, 735].

Лингвистическая концепция Бахтина представленная в Собрании сочинений в цикле философских работ, созданных в 1920-е гг. (“Искусство и ответственность” 1919, “К философии поступка” 1919–1921, “Автор и герой в эстетической деятельности” 1923–1924, Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского) сводится к сопряженности с работой “Марксизм и философия языка” 1929, “Ученый сальеризм” П. Медведева (1924). Не претендуя в пределах статьи на рассмотрение всего объема разрабатываемой лингвистической концепции, её взаимодействия с философией, эстетикой, литературоведением, сосредоточимся на вопросе о лингвистической терминологии, вводимой Бахтиным в научный обиход. Её значимость определяется, по справедливому замечанию Георгия Косикова тем, что “бахтинская языковая стратификация носит отнюдь не чисто лингвистический, но именно мировоззренческий характер”, выраженного понятием “господство различных словесно-идеологических точек зрения” [9, 639]. Отмеченное характеризует весьма сложное идеологическое и вместе с тем насыщенное научное состояние, сложившееся в филологической сфере в 1920-е гг., прежде всего, в лингвистике, втянувшей в свой бурный водоворот и литературоведение на почве взаимодействия лингвистики и поэтики, смысл которого завязан на полемическом восприятии М. Бахтиным позиции В. Жирмунского, не принимавшего лингвистических крайностей в отношении к поэтике. Утверждение В. Жирмунского о том, что “в основу систематического построения поэтики должна быть положена классификация фактов языка, которую нам дает лингвистика” [7, 138] М. Бахтин расценил как то, что “в основе этой поэтики лежит совершенно не доказанное предположение, что лингвистический элемент языка и конструктивный элемент произведения непременно должны совпадать” [10, 119], а затем в статье “О границах поэтики и лингвистики” ещё раз указал на значение лингвистики для изучения словесного искусства. На этой полемической волне М. Бахтин, размышляя о состоянии искусствоведения, об отсутствии в нём “систематико-философской общеэстетической ориентации, отсутствие постоянной методически продуманной оглядки на другие искусства..., что приводит современную русскую поэтику к чрезвычайному упрощению научной задачи...” [4, 269], видел разрешение её как сложившейся проблемы в том, что “исследование... движется на самой периферии словесного художественного творчества” [4, 269], тем самым, по его мнению, “оно отрещивается от всех проблем” [4, 269]. В этой ситуации М. Бахтин особенно выделяет то, что “поэтика прижимается вплотную к лингвистике, боясь отступить от нее дальше чем на один шаг (у большинства формалистов и у В. М. Жирмунского), а иногда и прямо стремясь стать отделом лингвистики (у В. Виноградова)” [4, 269].

При этом указывается на необходимость для поэтики, “кроме общеэстетических принципов... учитывать и природу материала” [4, 269]. Речь идёт о необходимости наличия словесного материала, где лингвистика представлена как “подсобная дисциплина”, занимающая “совершенно не подобающее ей руководящее место”, с оговоркой “почти то самое, которое должна бы занять общая эстетика” [4, 269].

Развивая “научное суждение” об искусствоведении, М. Бахтин подчеркнул “рождение тенденции”: “пространство, масса, цвет, звук – все это искусствовед (и художник) получает от соответствующих отделов математического естествознания, слово он получает от лингвистики” [4, 270]. Отсюда “тенденция” – *“понять художественную форму, как форму данного материала, не больше, как комбинацию в пределах материала в его естественнонаучной и лингвистической определенности и закономерности”* [4, 270]. Всё обозначенное М. Бахтин представляет как “путь искусствоведения” к созданию *“предпосылок общеэстетического характера”* [4, 270], именуемый “материальной эстетикой” [4, 271]. При этом уточняется проведение её принципов, не приемлемых в применении к мрамору и усложненное в связи со “словом лингвистики”, “когда материалом является слово – предмет гуманитарной дисциплины – лингвистики” [4, 273]. Этим объясняется более пристальное внимание М. Бахтина к проблеме материала и лингвистики.

В главе “Проблема материала” (в издании М. М. Б. (Михаил Михайлович Бахтин) – Э. В.): вычеркнуто продолжение заглавия – “в художественном творчестве”, что отмечено комментатором [11, 826], полемически заостряющее критический подход Бахтина к культуре и поэтике “как явлениям языка и объектам лингвистики”, – уточняет комментатор [11, 828], направленный на “лингвистическую поэтику” Р. Якобсона с её крайностями, а также “лингвистическую стилистику” В. Виноградова. Если для своего времени, т.е. 20-х годов, происходящее рассматривалось как острейшее, непримиримое столкновение разных лингвистических позиций, весьма противоречивое восприятие роли лингвистики в становлении поэтики, то для современности это в конечном итоге – целостная картина научных поисков, в которой сошлись лингвистические, литературоведческие и философские размышления, продуцировавшие научную мысль на протяжении десятилетий. Вяч. Иванов в известных работах “Лингвистический путь Романа Якобсона” (1985) и “Поэтика Романа Якобсона” (1987) четко развел направленность деятельности выдающегося филолога XX века. Вместе с тем, исследование специфики его поэтики осуществлялось на волне взаимодействия лингвистической и литературоведческой специфики. По мнению Вяч. Иванова, “поэтико-лингвистическая заостренность у Якобсона – единственного профессионала-лингвиста из ядра ОПОЯЗа – чувствуется сильнее, чем у его коллег... С одной стороны, это приводит к целому ряду подлинных открытий, вошедших и в “хлебниковедение”, и в общую поэтику. С другой же стороны, характеристика поэтического языка Хлебникова ставится в центр всего исследования... В это время у Якобсона поэтика подчинена диктатуре слова” [8, 13], с чем не мог согласиться Бахтин. И все же в 70-е годы Р. Якобсон счел крайне важным объяснить необходимость лингвистических исследований поэзии с нескольких позиций, среди которых и та, что

обусловлена современностью: “Ни одну разновидность человеческого языка, в том числе и поэтический текст, нельзя понять, не обратившись к “миру дискурса” (выражение Ч. С. Пирса), иначе говоря, соотношению дискурса и условий его осуществления, и эта проблема не может оставить равнодушным исследователей, верных девизу: *Linguistici nihil a me alienum puto* (Ничто лингвистическое мне не чуждо, лат.). Лингвисты же испокон веков рассматривают даже такие компоненты дискурса, как слова в соотношении с предметами (*Wörter und Sachen*) (Слова и вещи, нем.)” [17, 81]. Но в 20-е годы ситуация выглядела более обостренно.

Критически воспринимая позицию, что “кроме слова, в культуре есть не что иное, как явление языка, что ученый и поэт в одинаковой степени имеют дело только со словом”, М. Бахтин одним предложением раскрывает разрушающий смысл происходящего: “растворяя логику и эстетику в лингвистике, мы разрушаем своеобразие как логического и эстетического, так и в равной мере и лингвистического” [4, 299]. В этой связи М. Бахтин прописывает путь к пониманию “значения слова для познания, для художественного творчества” понимая его чисто словесную лингвистическую природу” [4, 300]. Это высказывание мы склонны рассматривать как ключевое в лингвистической концепции М. Бахтина с особенной, философской значимостью понятия “чисто”, выразительно просматривающейся в нём содержательности учения Платона. Как известно, понятие “чистоты” у Платона в своей содержательной завершенности сформировалось в диалоге “Софист”, с постепенно уходящим общим рядом понятий: очищение, различение, отделение, получение знания, чистота ума и т.д. [13]. Но наиболее совершенной чистотой, по Платону, является чистота от созерцания предмета мысли, представленная также в “Федре” и “Пире”. Настоящее ощущение происходит как очищение идеального предмета от всего наносного, а его проявление, наиболее естественное, – белый цвет. С понятием чистоты связывает Платон в текстах “Федры” и “Пира” музыкальные звуки, геометрические формы, а также понятие обработанности, от которой осуществляется переход к искусству, к различиям эстетической чистоты, а затем – магической. Раскрывая смысл эстетической характеристики, Платон соединил всё в эстетическое целое “владычеством гармонии”, в котором эстетическая функция и мыслится, и воспринимается в своей чистоте от религиозной [13].

Учением Платона о чистоте – эстетической и лингвистической – пронизаны концепции М. Бахтина в философских работах 1920-х годов с постепенно нарастающей сопряженностью смыслов Платоновской чистоты философско-эстетических и эстетико-лингвистических. Так, в статье “Искусство и ответственность”, открывающей Собрание сочинений литературоведа-философа явлена мысль о “чистом искусстве” [3, 6] в контексте вопросов о “взаимоотношении искусства и жизни”: “искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности” [3, 6]. Эту мысль М. Бахтин развивает в известной работе “К философии поступка”, рассматривая специфику “чистого” и эстетического вживания” [3, 19–20], а в работе “Автор и герой в эстетической деятельности” им вводится понятие “оптическая чистота бытия” [2, 112] в контексте которого возможны чистые явления.

Цикл лекцій М. Бахтина “Герой и автор в художественном творчестве”, относящихся к деятельности Невельской школы в Ленинграде в 1924–1925 гг., воспроизведен в Собрании сочинений в записях Л. Пумпянского. Как отмечается в комментариях, “достоверность передачи мыслей М. М. Б. в этих записях следует уже из того, что в них употреблена терминология, находящая соответствие в ранних работах М. М. Б., создававшихся в рамках деятельности Невельской школы и поэтому хорошо известных Л. В. Пумпянскому” [12, 869] (Запись сделана, вероятно, в июле 1924 г.) [12, 870]. В записи зафиксированы тенденции искусствоведения “создать частную науку об искусстве, независимую от общей философской эстетики” [14, 327]; подчеркивается значимость понятия “научности”, “типов научности” – “естественной” и “гуманитарных наук” [14, 327] – проблемы, разрабатываемой М. Бахтиным на протяжении всей деятельности. Отметил в своих записях Л. Пумпянский, как один из наиболее актуальных вопросов времени, “чистую лингвистику”, за пределы которой смогли уйти формалисты, имея “телос” (“цель” по философии неокантианства) [14, 327], что свидетельствует о его важности в разработке М. Бахтиным методологии гуманитарных наук. Нишу лингвистики в этом процессе М. Бахтин определил в разделе “Проблемы материала”: “Лингвистика... не остаётся равнодушной к особенностям языка научного, художественного, культового, но для неё это чисто лингвистические особенности самого языка, для понимания же их значения для искусства, для науки и для религии она не может обойтись без руководящих указаний эстетики, истории познания и других философских дисциплин...” [4, 300]. Так прописано методологическое поле лингвистики, необходимые для нее взаимодействия.

Далее закономерно получает развитие мысль о гуманитарной научности, о ее связи с лингвистикой. В работе продемонстрировано это взаимодействие от определения: “Лингвистика является наукой, лишь поскольку она овладевает своим предметом – языком” [4, 300] а затем лаконично, но емко отмечено: “Язык лингвистики определяется чисто лингвистическим мышлением” [4, 300], раскрываются условия его существования и содержание. При этом подчеркивается, что “единичное конкретное высказывание всегда дано в ценностно-смысловом культурном контексте – в научном, художественном, политическом и ином, или в контексте единичной лично-жизненной ситуации; только в этих контекстах отдельное высказывание живо и осмысленно...” [4, 300]. Ключевой фразой в этом определении является новаторское сочетание понятий “высказывание в контексте”, в котором понятие “высказывание” в качестве лингвистического термина, как и “проблема высказывания в лингвистике”, появляется впервые. В комментариях к публикации работы отмечается: “Высказывание как лингвистический термин до начала 1920-х гг. в русском языкознании не употребляется. Понятие “высказывание” встречается в русской философской литературе первых десятилетий XX века, в частности, в переводах и сочинениях представителей феноменологического направления...” (указаны работы Э. Гуссерля, Г. Шпета, Р. Якобсона, В. Жирмунского, Л. Якубинского – [11, 828]). Комментаторы продемонстрировали цепочку научного бытия лингвистики, изначальным в котором была критика “лингвистического подхода к литературе,

вернее, тех его проявлений, которые сложились в систему преставлений к 1924 г., и одновременно с определением места лингвистики как науки и предмета ее изучения” [11, 735]. В комментариях определены исходные позиции М. Бахтина в разработке лингвистической концепции, его утверждений, что “лингвистические закономерности как таковые не могут быть инструментом анализа художественного произведения как эстетического объекта”, с одной стороны, с другой – “лингвистика должна в предмете своего изучения сделать переход от слова к высказыванию” [11, 735]. Здесь четко подмечено “зарождение того, что впоследствии он назовет металингвистикой” [11, 736]. Таким образом осуществлен был ввод высказываний в центр лингвистического исследования со строгим определением Бахтиным из предназначений: “Лингвистика видит в них лишь явление языка, относит их лишь к единству языка, но отнюдь не к единству познания, жизненной практики, истории, характера лица...” [4, 300]. Развивая эту мысль, Бахтин обозначил пределы значений “исторического высказывания” (“для науки, для политики, в сфере личной жизни”) через акцентирование частицы *не* по нарастающей НЕ-значений: “Для лингвистики это не сдвиг в области смысла, не новая точка зрения на мир, не новая художественная форма... – для нее это только явление языка, может быть, новая языковая конструкция” [4, 300]. При этом сделано важное уточнение о “смысле слова”, “его вещественном значении”, которое для лингвистики – “лишь момент лингвистически определенного слова”, “правомерно изъятото из смыслового и ценностного культурного контекста...” [4, 300].

Только обозначив связь высказывания и лингвистики, пределы его предназначений, Бахтин со свойственной ему решительностью (“лишь так”) характеризует свои действия с возможным достижением цели через предполагаемое Платоновское “очищение”: “Изолируя и освобождая чисто языковой момент слова и создавая новое языковое единство и его конкретные подразделения, лингвистика овладевает методически своим предметом – *индифферентными к вnelингвистическим ценностям языком* (или, если угодно, создает новую чисто лингвистическую ценность, к которой и относит всякое высказывание)” [4, 300–301]. Тем самым понятие “лингвистика” М. Бахтина, пройдя через очищение, как явление оценочное, своего рода различие (по Платону), поставлена в прямую связь с философскими понятиями: с одной стороны, чистоты как получения знания, но без “знака той оболочки..., в которую заключены, словно в раковину”, отмеченной античным философом, с другой – ценность, но не столько в качестве свойства вещи, а как возможности раскрыть её сущность и одновременно быть условием ее полноценного бытия. Философия, с ее направленностью на осмысление природы вещей, дает освобождение и очищение, создавая необходимое состояние “индифферентности”.

Прямая связь с учением Платона весьма ощутима у Бахтина в утверждении о необходимости последовательного освобождения “от метафизического уклона” [4, 301], под которым усматривается “субстанциализация” и “реальное опредмечивание слова”, а также “от логизма, от психологизма, от эстетизма, лингвистика прорабатывается к своему предмету, методически его полагает и этим впервые

становится наукой” [4, 301]. Опираясь на разрабатываемую терминологию, подчеркнем, что это “высказывание” Бахтина представляет чисто “лингвистическую ценность”, поскольку раскрывает особенности пути лингвистики к обретению статуса науки. Для этого она “очищается” / освобождается от ряда явлений/понятий, самостоятельность которых обозначена употреблением как частицы *от*, без которой их значимость в этом процессе очищения снижалась бы. Отмечена и цель лингвистики – прорыв “к своему предмету” – понятию филологическому, активно разрабатываемому с начала XX века в нескольких аспектах. У Бахтина предметность выражена сочетанием представления о логически мыслимом предмете и духовной направленности лингвистической концепции. Сделан ещё один важный акцент – “проработка предмета через “методическое” его полагание” как производное от философского понятия “метод”, в котором сохранено античное его содержание как “следования”, “последовательности”, а также “прослеживания”, обретающего у Бахтина способ разработки лингвистической концепции, т.е. пути познания, прокладываемого к четко обозначенному предмету на основе сформулированной и введённой в научный филологический обиход значимости лингвистики, обоснования её как науки, что предполагало обживание философских понятий как филологических.

При определенной завершенности начальной разработки лингвистической концепции, Бахтин счел необходимым указать на те “отделы”, где лингвистика на тот момент ещё не умела “равномерно...методически овладеть своим предметом” [4, 301]. Их обозначение представляет собой не столько констатацию неразработанных вопросов, сколько видение Бахтиным развития лингвистики в контексте методологии словесного творчества: “С трудом она только начинает овладевать им в синтаксисе, очень мало пока сделано в области семасиологии, совершенно еще не разработан отдел, долженствующий ведать *большие словесные цели: длинные жизненные высказывания, диалог, речь, трактат, роман и т.п.*, – ибо и эти высказывания могут и должны быть определены и изучены чисто лингвистически как языковые явления” [4, 301]. Подчеркнутые нами высказывания, разработанные Бахтиным с целью обогащения лингвистической терминологии, глубокого раскрытия ее содержательности, принадлежащей к той системе его понятий, которые по определению Н. Тамарченко, “относятся к области научной (т.е. не “нормативной”, не предписывающей правила создания литературных произведений) поэтики как *специальной литературоведческой дисциплины*” как “симбиоз поэтики с философской эстетикой” [15, 9], в которой Бахтин “лишь под влиянием неблагоприятных социальных и политических условий и обстоятельств советской эпохи вынужден был излагать свои идеи в *неадекватной* для них форме литературоведческих исследований” [15, 10]. Тем привлекательней эта поэтика именно своей “не нормативностью” требований к условиям научности, не допускающей “смешения лингвистической точки зрения с совершенно ей чуждыми – логическими, психологическими, эстетическими” [4, 301]. Далее М. Бахтин раскрывает ей перспективу лингвистических исследований: “Синтаксис больших словесных целей (или композиции как отдел лингвистики, в отличие от композиции, учитывающей художественное или научное задание) ещё ждет своего обоснования”, поскольку “до сих пор лингвистика еще

не продвинулась дальше сложного предложения...”; “получается впечатление, точно лингвистический методический чистый язык здесь вдруг кончается и начинается сразу наука, поэзия и пр., а между тем чистый лингвистический анализ можно продолжать и дальше, как это ни трудно и как ни соблазнительно внести здесь чужеродные для лингвистики точки зрения” [4, 301]. Тем самым Бахтин подчеркнул, что отсутствие знания постоянного создает только впечатление и создает чувство неуверенности и к истолкованию “чужеродности”. Выход виделся в том, что “лингвистика овладеет своим предметом вполне и со всей методической чистотой, она сможет продуктивно работать и для эстетики словесного творчества...”; “до того времени “поэтический язык”, образ, “понятие”, “суждение” и т.п. термины для нее являются соблазном и большой опасностью, и ей соблазном и большой опасностью; и ей недаром приходится их бояться: они слишком долго замутняли и продолжают ещё замутнять методическую чистоту этой науки” [4, 301]. Именно эти опасения и предостережения продуцировали рассмотрение значимости лингвистики в контексте платоновского учения о чистоте с акцентом на достижении лингвистикой совершенной чистоты, т.е. без примесей, чтобы быть тождественной себе.

Литература

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н. С. Автономова. – М. : РОССПЭН, 2009. – 503 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : [в 7 т.]. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. – С. 69–264.
3. Бахтин М. М. Искусство и ответственность / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : [в 7 т.]. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. – С. 5–68.
4. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : [в 7 т.]. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – С. 265–325.
5. Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка : [статьи] / М. М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 2000. – С. 349–486.
6. Белый А. Мысль и язык (Философия языка А. А. Потебни) / А. Белый // Логос. – 1910. – № 2. – С. 240–258.
7. Жирмунский В. М. Задачи поэтики / В. М. Жирмунский // Задачи и методы изучения искусств. – Петербург : Academia, 1924. – С. 123–167.
8. Иванов Вяч. Вс. Поэтика Романа Якобсона / Вяч. Вс. Иванов // Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / [сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова]. – М. : Прогресс, 1987. – С. 5–23.
9. Косиков Г. “Человек бунтующий” и “человек чувствительный” (М. М. Бахтин и Р. Барт) / Г. Косиков // Собрание сочинений. – М. : Центр книги Рудомино, 2012. – Т. 2 : Теория литературы. Методология гуманитарных наук. – 696 с.
10. Медведев П. Н. (Бахтин М. М.). Формальный метод в литературоведении / П. Н. Медведев (М. М. Бахтин). – Л. : Прибой, 1928. – 232 с.
11. Николаев Н. И. Комментарии к статье М. М. Бахтина “К вопросам методологии эстетики словесного творчества” / Н. И. Николаев // Собрание сочинений : [в 7 т.]. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. – С. 707–867.
12. Николаев Н. И. Комментарии к Приложению “Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского” / Н. И. Николаев // Собрание сочинений : [в 7 т.]. – М. :

- Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. – С. 867–878.
13. Платон. Диалоги. Софист [Электронный ресурс] / Платон. – Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/plato01/23sofis.htm>.
  14. Приложение. Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского // Собрание сочинений : [в 7 т.]. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. – С. 326–342.
  15. Тamarченко Н. Д. “Эстетика словесного творчества М. М. Бахтина” и русская философско-филологическая традиция / Н. Д. Тamarченко. – М. : Изд-во Кулагиной Intrada, 2011. – 400 с.
  16. Фатеева Н. Н. Лингвистическая поэтика / Н. Н. Фатеева // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. – М. : Изд-во Кулагиной Intrada, 2008. – С. 108–109.
  17. Якобсон Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге / Р. Якобсон // Работы по поэтике: Переводы / [сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова]. – М. : Прогресс, 1987. – С. 80–99.

Аннотація

Рассматриваются особенности осмысления М. Бахтиным “чисто лингвистической природы слова” на основе философского учения о понятии “чистота” Платона во взаимодействии с концепцией А. Потебни о философии языка, о “внутренней форме слова”. Размышления исследователя представлены в контексте противостояния и взаимодействия противоречивых лингвистических концепций 1920-х годов.

Ключевые слова: лингвистика, мировоззрение, чистота, очищение, внутренняя форма слова, лингвистическая чистота, лингвистическая ценность.

Анотація

Розглядаються особливості осмислення М. Бахтіним “чисто лінгвістичної природи слова” на основі філософського вчення про поняття “чистота” Платона у взаємодії з концепцією О. Потебні про філософію мови, про “внутрішню форму слова”. Роздуми науковця подаються в контексті протидії і взаємодії суперечливих лінгвістичних концепцій 1920-х років.

Ключові слова: лінгвістика, світогляд, чистота, очищення, внутрішня форма слова, лінгвістична чистота, лінгвістична цінність.

Summary

The peculiarities of Bakhtin’s reconsideration of “clear linguistic nature of a word” are under study in the vision of Plato’s philosophical works on “clearance” as well as Potebnya’s concept on language philosophy and “an internal word form”. The researches are represented in the context of opposition and interaction with the controversial 1920-ies linguistic concepts.

Keywords: linguistics, world perception, clearance, feeling, internal word form, linguistic clearance, linguistic value.

УДК 81:340.113

Разбєгіна Н. В.,
пошукувач,

Харківський національний університет імені Ярослава Мудрого

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧНІ ГРУПИ ТЕРМІНОЛОГІЇ МІЖНАРОДНОГО ПРАВА

Розвиток суспільства та взаємодії країн в сучасних умовах глобалізації потребують правового забезпечення. Цю функцію бере на себе міжнародне право, яке за останні десятиріччя значно розширило межі своєї юрисдикції. З’явилися нові підгалузі міжнародного права, що регулюють відносини в економіці, торгівлі,